

A stylized, high-contrast illustration of an elderly man with a serious expression, looking down and to the right. He is wearing a dark, heavy coat over a white shirt and a dark tie. He holds a light-colored folder or book in his left hand. The background is a soft, painterly landscape with a blue sky and yellowish ground. The overall style is reminiscent of a woodcut or a high-contrast digital filter.

ВЛАДИМИР
КАЛИСТРАТОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ
ИДЕИ

Владимир Калистратов

История русской идеи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43613517

История русской идеи / В. Калистратов: Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906947-31-4

Аннотация

Эта книга обращена ко всем гражданам Русского мира, интересующимся его дальнейшей судьбой. Сохранится ли он или рассыплется под действием энтропии – зависит не столько от благих пожеланий, энергии патриотизма и даже инстинкта самосохранения, сколько от степени осознания происходящего. А оно невозможно без исторической памяти, незапятнанной маловерием и проклятиями.

Тот, кто ищет ответы на классические вопросы русской интеллигенции, найдёт в этой книге духовную пищу. Юным идеалистам она принесёт ниточку Ариадны, которая свяжет их с прошлым. Тщательно подобранные выдержки из трудов самых известных русских историков, писателей и философов XIX–XX веков позволят читателю составить цельное представление об истории России (и Украины) с древнейших времён.

Содержание

Введение	4
1. Святая Русь	20
2. Идея христианского царства	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Калистратов

История русской идеи

Введение

О русской идее не размышлял только ленивый. Она веками не даёт покоя нашим интеллигентам, да и простые обыватели иной раз не прочь обсудить её на кухне в приятной компании.

В Древней Руси, которая всегда вызывала у наших историков умиление, монахи усмиряли непокорную плоть, князя, напротив, её ублажали, ни о каких идеях не помышляя. «Призванные» Рюриковичи дрейфовали вместе с дружинами от одной волости до другой по иерархической разнарядке, зачастую выясняя права на княжение «судом Божьим», то есть на поле брани. Покорённые племена облагали данью. Смердов и челядь угоняли целыми семьями в рабство и либо расселяли их на «своих» землях, либо продавали на рынке. Кстати, основной статьёй торговли в Древней Руси были рабы. Кавычки на слове «своих» поставлены не случайно – ведь никаких своих земель у князей тогда ещё не было. «Следы землевладения у служилых людей появляются в памятниках не ранее XI века», – пишет В. О. Ключевский. А земельная собственность как политический институт сформирова-

лась ещё позднее. В соответствие с «лествичным» правом, существовавшим не в юридических документах, а в головах родственников, князья занимали полагающиеся им «столы», уводя за собой дружины и родовитых бояр. Не прихватишь же и землю в придачу!

Крещение Руси князем Владимиром в 988 году можно считать историческим символом, потому что реально христианизация восточных славян началась раньше (уже княгиня Ольга была христианкой) и растянулась на несколько веков. В летописных источниках часто упоминается «русская земля», но в географическом её понимании, где нет и намёка на «русский народ». В. О. Ключевский называл Русь «земским союзом», находя в ней «если не политическое, то бытовое земское целое». Советские историки возвышали её ранг до «феодального государства», а постсоветские опускали до «племенных княжений», намекая на отсутствие каких-либо признаков государственности. Основу её единства составляла правящая династия и православная вера там, где она успевала распространиться, но из-за постоянных свар между князьями, учащающихся прямо пропорционально росту их численности, и отсутствия разделения труда, никакого «общественного бытия» на Руси не существовало, а следовательно, неоткуда было взяться и «общественному сознанию». Реплику Д. С. Лихачёва о том, будто бы древние русские летописи «проникнуты патриотизмом», следует расценивать как поэтическую метафору. Пресловутая «борьба ле-

са со степью» и патриотические экзерсисы вроде того, что Русь своей грудью «защитила» Европу от набегов степных кочевников, и в этом её «историческая заслуга», также при-тянуты за уши. В них всегда пытались найти причины «от-ставания» России от Запада. Суть в том, что Древняя Русь, которая с исторической точки зрения является колыбелью нашего детства, с точки зрения этнической – старый умира-ющий организм. К сожалению, первые опыты самосознания, дошедшие до нас в летописях, возникли в ней уже на стадии разложения. Попытки объяснить её деградацию, начавшуюся ещё до батыевского нашествия, предпринимались давно. В. О. Ключевский, к примеру, связывал запустение с «кня-жеской междоусобицей», «давлением половцев» и с «рабо-владением, которое принижало низшие классы» (см. Рус-ская история). Нечто подобное изрекал Н. И. Костомаров: «От разнородности населения, от непостоянства обществен-ного строя, от беспрестанных разорений и, следовательно, от ненадёжности гражданской жизни в Южной Руси, види-мо, происходило разложение» (см. Черты народной южно-русской истории). Мономаховичи винили Ольговичей: «Раз-делил нас дед Ярослав по Днепру и вам ся сторона не надоб-е, а Ольговичи – вы почаши первее нас губити, мы не угры, не ляхи, а одного деда внуци». Ростиславичи, Мстиславичи, Изяславичи, Юрьевичи вступали в кратковременные союзы и воевали друг против друга, вымещая свои обиды. Попыт-ки «централизации», предпринимаемые Всеволодом Боль-

шое гнездо, Андреем Боголюбским, Мстиславом Великим, Романом Волынским или Даниилом Галицким, – это крохотные островки в море междоусобиц. Так или иначе, XII век стал началом распада русского суперэтноса, а точнее, веком его обскурации, по выражению Л. Н. Гумилёва, назвавшего так фазу этногенеза, характеризующуюся вероломством, шкурничеством, близоруким эгоизмом и жестокостью.

Осознание этой «обскурации» передано автором «Слова о полку Игореве» в поэтической форме:

«Усобица княземь на поганяя погыбе,
Рекоста бо брать брату:
«Сё моё, а то моё же».
И начяша князи про малое
«Се великое» мльвити,
А сами на себе крамолу ковати...»

В этом произведении, словно в зёрнышке будущего многовекового растения, заложены христианские темы спасенья души и «неправды» междоусобиц, языческие темы одухотворения природы и поэтизации бытия, воспевания славы и героизма, оплакивания погибших. Они алой нитью протянутся через всю историю Древней Руси и Российской державы, затем трансформируясь в светские идеи социальной справедливости, защиты отечества и памяти жертв – в СССР.

Владимир Мономах, перечислив, как он «ходил» на со-

седних князей в Смоленск, в Полоцк, в Курск, во Владимир, в Чернигов, в Переяславль, а также в Польшу, в чешскую землю, на половцев, сколько «миров заключил», сколько половецких князей «иссёк», а сколько «отпустил из оков», оставил потомкам напутствие: «Не ленитесь ни на что хорошее! Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На рассвете, увидев восходящее солнце, с радостью молвите: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою!»» (пер. Д. С. Лихачёва).

Мировоззрение наших предков зиждилось на уверенности, что все существенные события уже есть в Книге Жизни; и тому, что происходит у них на их глазах, нужно лишь найти адекватное толкование в Священном писании. Вместе с тем, языческие мотивы (в том же «Слове о полку Игореве») свидетельствуют о господствующей в народной среде мифологии. Для мифологического сознания характерно ощущение безвременности бытия и деперсонализации субъекта. Творчество монахов, обращённое ко всему люду (включая князей), имело целью изобличенье грехов. Вот как пишет об этом автор «Повести временных лет»: «Это Бог напустил на нас иноплеменников, не их милуя, а нас наказывая. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злых дел своих. Ведь потому-то и народ подвергается мукам: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они прини-

мают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иные от голода умирают и от жажды. Одно наказание, одна казнь, бедствия же различны; различны печали и страшные муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и кому наносят раны... Пусть же никто не дерзнёт сказать, что Бог ненавидит нас! Нет! Нет! Ибо кого любит Бог так, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас, прославил и превознёс? Никого! Были мы прославлены Богом и не прославили его, были просвещены – и не уразумели, видали волю владыки и презрели её. Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и хуже всех совершили грехи. Вот и я, грешный, много и часто Бога гневлю и часто согрешаю во все дни» (пер. Д. С. Лихачёва).

Любопытно, что уровень грамотности в Древней Руси был заметно выше, чем в последующие времена на её территории. Об этом свидетельствуют берестяные грамоты Новгорода, где простой люд (и даже женщины!) вели бытовую переписку. Впрочем, как писал Гегель в своих «Лекциях по философии истории», «язык богаче в неразвитом, первобытном состоянии народов и беднеет с цивилизацией». Вместе с накоплением богатств и культурных ценностей происходило расслоение общества, а кроме того, «вытеснение» Руси из южных степей. Если в X веке русские свободно ездили в Тмутаракань, в Крым и даже через степи Северного Кавказа до берегов Каспийского моря, то в русских источниках XII–XIII веков Половецкая степь уже именуется «Землёй неве-

домой», а затем – «Диким Полем». Разложение русского суперэтноса началось, когда Русь находилась в зените своего развития. Она была богатой страной с великолепным ремеслом и блестящей архитектурой (см, например, Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. 1948; П. П. Толочко. Древняя Русь. 1987). Ничего удивительного! Ведь Древний Рим тоже процветал, когда начиналось его разложение, и его граждане требовали «хлеба и зрелищ». В своей лекции по теории этногенеза Л. Н. Гумилёв изрекал: «Человек, будучи глубоким стариком, ещё находится здесь!» – и тыкал указкой в максимум кривой экономического и культурного развития этноса.

Батыевское нашествие воспринималось как кара Божья, от которой одно спасение – покаяние. Оно не замедлило развития Древней Руси, а лишь ускорило её агонию. Именно из-за отсутствия «энергии сопротивления» и эгоизма князей Русь была побеждена, хотя обладала резервами (городами, воинами и материальными ресурсами) для отражения атаки. Тем паче, что разрозненные отряды Батыя, наступавшие на Рязань и Владимир, были вовсе не так многочисленны, как это расписывали в ранних источниках. Князья «не договорились». Впрочем, нельзя исключать, что сама такая гипотетическая возможность объединения для борьбы с внешним врагом существует лишь в нашем воображении, как и сам феномен Руси как некоего национального сообщества. Ко второй половине XIII века все русские княжества попадают в вассальную зависимость от Орды. Тут надо заметить, что

именно «поганые» монголо-татары впервые провели на Руси перепись населения. Вот как повествует об этом Новгородская летопись (от 1258 г.): *«И почаша ездити окаянии по улицамъ, пишюче дома крестьянскыя...»*. Именно «окаянные» ввели единую десятичную систему налогообложения, исключив из неё духовенство и церковную собственность, и сформировали на всей территории северо-восточной Руси «ямскую гоньбу» (постоянную конную систему транспорта). Десятники, сотники и тысячники назначались из местного населения. Во главе «тьмы» (десяти тысяч) ставились монгольские чиновники («баскаки»). Сначала дань собирали баскаки, а затем уже сами князья, получающие в Орде ярлыки на правление.

«Пассионарный толчок» или «мутация этноса» (по выражению Л. Гумилёва) приводит к образованию островков новых народностей. Один из самых глухих островков – Москва. Преобразование родовых отношений в государственные и переход удельных князей в подданство к Московскому князю протекало в жестокой борьбе. Условно можно выделить три этапа, в течение которых были преодолены архаичные заветы старины и «лестничное право» на вотчины. Сначала была подорвана «конкурентоспособность» целой ветви Рюриковичей из Великого княжества Тверского. На втором этапе истреблены практически все конкуренты – братья Василия II Тёмного из рода «Даниловичей». Третий этап – присоединение Новгородской земли и освобождение

от дани татарским ханам при Иване III – рождение государства под названием Россия. Условным историческим рубежом, разделяющим Древнюю Русь и Россию, С. М. Соловьёв и В. О. Ключевский считали год вступления на московский престол князя Ивана III; Л. Н. Гумилёв называет временем «перестройки» 70 лет с 1412 по 1482. В конце концов, это дело вкуса.

Параллельно на Юго-западе формируется ещё один русский этнос («Литовская Русь»), где «собираателями» русских земель выступают литовские и польские завоеватели. В 1323 князь Гедимин разбивает коалицию русских князей на реке Ирпень и ставит в Киеве «вассального» князя. При нём завоёваны Полоцк, Туров, Пинск и Витебск. Затем его сын Ольгерд подчиняет Литве Подольскую землю, Брянское, Северское и Черниговское княжества, распространяя своё влияние на Смоленск, Тверь, Псков и Новгород. Три раза подходит к Москве, громит войско князя Дмитрия, но Москву взять не может. Его племянник Витовт ставит своих наместников в русские княжества. При этом зависимость от Орды, «утверждённая» ещё при хане Узбеке, сохраняется. В 1349 году польский король Казимир Великий завоёвывает Галицкую Русь. Уже к середине XIV века «Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных» (ВКЛ) включает практически все княжества Западной и Южной Руси и по крайней мере на три четверти состоит из русских. Литовские Гедиминовичи и московские Даниловичи

на протяжении двух веков ведут упорную борьбу за владение всеми русскими землями. Междоусобица побуждает некоторых Гедиминовичей к отъезду в Московское княжество, где они становятся родоначальниками княжеско-боярских родов Патрикеевых, Бельских, Волынских, Голицыных, Куракиных, Мстиславских, Трубецких, Хованских. Те Гедиминовичи, что укоренились в Белой и Малой Руси, дают начало родам магнатов Корецких, Вишнёвецких, Сангушек и Чарторыйских. В 1386 Великий литовский князь Ягайло (сын Ольгерда) женится на польской королеве Ядвиге (Анжуйской), становится польским королём, заключает с Польшей союз (Кревскую унию), а в 1387 крестит Литву по католическому обряду. Благодаря соглашению между Ягайло и его двоюродным братом Витовтом, за Литвой сохраняется право иметь своего государя (Витовта) под верховенством польского короля (Ягайло). Был период, когда «благоразумный князь» Витовт (по терминологии Н. Костомарова) вполне законно претендовал на Московский престол, занимаемый его внуком Василием II (сыном его дочери Софьи и князя Василия I). И лишь страшное поражение в битве на реке Ворскле (1399 г.), где *«пятьдесят славянских князей со дружины»* под командованием Витовта и татары его союзника Тохтамыша противостояли воинам хана Тимур-Кутлуга и эмира Эдигея, нарушило его планы. Тем не менее, в 1404 году Витовт «возвращает» Литве потерянный ранее Смоленск. Но его поход на Москву заканчивается неудачей. На этом его

роль объединителя русских земель заканчивается. Политическая инициатива переходит в руки Ягайло, который ратует за дальнейшее сближение Литвы с Польшей.

Уже в 1303 году, наряду с метрополией Великой Руси, состоящей из девятнадцати епархий, включающих Киевскую и Московскую, создаётся Галицкая метрополия Малой Руси (по тогдашней византийской терминологии), состоящая из шести епархий. Но православное единство Руси худо-бедно сохраняется вплоть до экспансии католических иезуитов в Речь Посполитую при короле Сигизмунде II Августе. Флорентийская уния 1439 года, где было прописано главенство Римского папы над Восточными церквами, становится для Москвы знаком того, что греческое православие вступает в союз с латинянами. В 1448 году Московский собор избирает митрополитом Иону без ведома константинопольского патриарха, причём князь Василий II воспрещает Ионе принять послов вселенского патриарха в своих владениях, поясняя, что не нуждается более в благословении *«того самого патриарха, чюжса и отречена...»*. Освобождение от византийской опеки, с одной стороны, благоприятствует развитию национальной церкви, однако лишает её законных связей с союзниками. В 1458 году папа Пий II издаёт буллу о разделении Киевской метрополии на Московскую и Польско-Литовскую, и это приводит не только к расколу церквей, но и к настоящей блокаде католическим Западом московских «схизматиков».

Два «альтернативных проекта развития» русской народности до сих пор обсуждаются в кулуарах. Но история вынесла свой вердикт: самодержавная Москва собрала все русские земли и стала великой империей, а Литовская Русь, соединившись с Польшей в конфедеративное государство Речь Посполитую, растворилась в её «можновладстве» и сгинула в великом «Потопе». Единый русский корень дал три национальных куста: Великую Русь (от Московии), Малую Русь и Белую Русь (от ВКЛ). Кстати, расхожее мнение о том, будто бы Южная Русь «была защищена Литвой от татар», несколько преувеличено. Князья литовские и польские короли в течение трёх веков точно так же одаривали татар «поминками» и выкупали у них ярлыки на правление, начиная с Ольгерда (ярлык Мамаю от 1362) и Ягайло (ярлык Тохтамышу от 1392) и кончая последним из «Ягеллонов» – королём Сигизмундом Августом (ярлык Девлет-Гирею от 1560). Между прочим, Москва перестала выкупать ярлыки ещё с 1480 года после «стояния на Угре», т. е. почти на сто лет раньше. Хотя на государственное устройство России Орда оказала, конечно, более заметное влияние. Стремление Москвы к созданию третьего Рима не отрицает её стремления к созданию второй Золотой Орды»

Ещё один «прозападный» («демократический») вариант развития либеральные интеллигенты до сих пор усматривают в Новгородской республике. В действительности Новгород со всеми его огромными (по территории) провинция-

ми представлял собой рыхлое архаичное образование с олигархической властью бояр. Этот застоявшийся во времени реликт мог существовать только в эпоху феодальной раздробленности за счёт традиционных выгод торговли (хлеб он всегда покупал) и возможности «призыва» князей (вроде Мстислава Удалого или Александра Невского) для защиты от внешней угрозы, но не устоял под натиском самовластной Москвы.

Сам факт разрастания великорусского государства из выморочного княжества, едва упомянутого в летописи в 1147 году, в огромную империю, занимающую одну шестую часть суши, – явление таинственное и непостижимое с точки зрения теории вероятности. А что, если в его феномене действительно кроется какая-то мистическая идея? Или будем считать это «счастливым случаем», как иронизирует профессор М. Покровский в своей книге «Русская история с древнейших времён», предлагая за такой вывод дать ему «свидетельство о бедности». Способы, которыми пользовались князья московские для расширения своих владений, известны – это скупка, дипломатический захват с помощью Орды, вооружённый захват, служебный договор, расселение за Волгу и т. д. Но ведь подобным образом действовали и другие правители. Ни к какому формальному русскому объединению не стремилась ни Тверь, ни Псков, ни Рязань, ни земля Новгородская. Все князья тянулись в Орду за «помощью», строя козни друг против друга и норovia проглотить

соседа. Почему же в течение двух веков упадка и разложения («время погибели земли Русской», по выражению одного из летописцев) затерянная в глуши Москва устояла, а не рассыпалась под действием энтропии? Отсутствие выходов к морю и естественных барьеров для защиты от набегов кочевников, жёсткий климат, большая территория, скудная почва и малое население – вот та реальность, в которой формировалась великорусская нация. С одной стороны, наличие сильной верховной власти и ратного сословия – это залог самосохранения. С другой стороны, хищные поборы со стороны Орды, непрерывные столкновения с ВКЛ, междоусобица, засухи, мор, пожары – всё это вело к бедности и оскудению. Борьба за существование с роковой неизбежностью приняла экспансивный характер. Расширение на северо-восточных и юго-восточных рубежах – вот основной нерв русского исторического процесса. Хроническая трагедия русской истории – несоответствие народных сил постоянно возрастающим национальным потребностям – определила и его внутренний строй. Развитие абсолютного самодержавия стало неизбежной тенденцией политического строительства, а «прикрепление крестьян к земле было воплем отчаяния, испущенным государством, находящемся в безвыходном положении», – так объяснял С. М. Соловьёв причину введения злосчастного крепостного права. Византийская империя пала. Если молодые народы Европы имели возможность наследовать культуру Древнего Рима, великой эллинистической

цивилизации и арабского мира, то нарождающаяся Россия варилась в собственном котле, где смешивались восточные славяне, финно-угорские, монгольские, балтийские и тюркские племена. В духовной и социальной сфере скрепой была православная вера, которой пришлось играть и этнопсихологическую роль для формирования так называемой «позитивной комплементарности» (термин Л. Гумилёва).

Отечественные историки признают, что распространение православной веры при колонизации новых земель имело ненасильственный характер. Основным оружием служила проповедь. Никто аборигенов не загонял «палками на небеса», по примеру испанских конкистадоров. Впрочем, испанцы – это ещё цветочки. Обратите внимание на современный этнический тип народов англоязычных стран! США, Канада, Австралия, Новая Зеландия... И сравните его с этническим типом народов Бразилии, Аргентины, Мексики, Колумбии или Венесуэлы, где доминируют метисы и мулаты. Испанцы и португальцы с грехом пополам ассимилировались с местными индейцами и привозными рабами из Африки. А вот «цивилизованные» англосаксы предпочитали их истреблять. И тут уже не суть важно, что большинство индейцев умерло от болезней, «завезённых» европейцами или погибло в результате войны англичан с французами, где аборигены выступали наёмниками, потому что факт налицо! Замечательно выразился об англичанах Н. В. Гоголь: «Странно, что у них всякий человек особо и хорош, и образован, и благороден».

ден, а вся нация – подлец; а всё потому, что родину свою они выше всего ставят».

В русской народности с ранних времён преобладали религиозно-мессианские идеи спасения души, смирения перед властью («все мы – рабы Божьи и холопы Его помазанника-царя»), защиты православия от католиков и магометан и распространения православия среди язычников. Патриотизм, как предвестник русского самосознания, появился в сословии монахов-летописцев ещё во времена Святой Руси, затем в эпоху Ивана III был принят на вооружение церковью и зарождающимся государством, распространился в дворянском сословии в Российской империи Петра I и Екатерины II, а всенародным стал только в XX веке.

1. Святая Русь

«Когда московские князья начали стремиться к единовластию, то их стремления совпали со стремлениями духовенства; можно сказать, что вместе с мечом светским, великокняжеским, против удельных князей постоянно был направлен и меч духовный», – так пишет С. М. Соловьёв. Кстати, церковной столицей Москва становится задолго до того, как превращается в столицу политическую. Уже в 1250 году мы встречаем известия о путешествии митрополита Кирилла (родом русского) из Киева в Чернигов, Рязань, землю Суздальскую и Великий Новгород. В 1263 году он был во Владимире на похоронах Александра Невского, возвестив народу: *«Чада моя милая, разумеите, яко заиде солнце Русской земли»*. Скитания митрополитов Кирилла, Максима, Петра, Феоноста, Алексея, Киприана символически выражают скитания неприкаянного русского духа. Летопись сообщает, что в 1299 году митрополит Максим, не стерпев насилия татарского, собрался со всем клиросом и уехал из Киева во Владимир; *«тогда же и весь Киев-град разбежался»*. А митрополит Пётр во время своих обычных переездов по делам церкви сошёлся с князем Иваном Даниловичем (Калитой) и любил Москву более всех городов. «Бог благословит тебя, – говорил он Ивану, – и поставит выше всех других князей, и распространит город этот паче всех других городов; и бу-

дет род твой обладать местом сим вовеки; и руки его взыдут на плечи врагов ваших; и будут жить в нём святители, и кости мои здесь положены будут». Эти слова, заимствованные из народного сказания и вложенные в уста Петра, оказались пророческими. Переезд митрополита Киевского Петра в Москву отмечен летописцем так: «... *иным же князем многим немного сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуца*». «Перенесение кафедры» (кавычки поставлены потому, что это скорее символический акт, а не что-то материальное) из Владимира в Москву в 1325 году, похороны Петра в первой каменной церкви Успения Пресвятой Богородицы и причисление его к лику святых в 1339 году (при митрополите Феогносте) имели решающее значение для возвышения Москвы. Каменная рака с мощами Петра становится местом паломничества. У его гроба князья целовали крест в знак верности великому князю Московскому. Материальные ресурсы, которыми тогда располагала Русская церковь (не облагаемая данью), стали стекаться в Москву, что способствовало её обогащению. Щедро одаривая ордынских властителей, князья заручались их поддержкой и правом доминировать над соседями. Например, когда дети Ивана I (Калиты) по смерти отца в 1341 году явились к хану Узбеку, тот встретил их с честью и любовью, потому что чтит их отца. Старшему сыну Симеону (Гордому) даны были «под руки» все князья русские, и рязанские, и ростовские, и тверские – «все по его слову творили». По смерти Симео-

на в 1353 году его брат и преемник Иван II (Красный) получил от хана вместе с великокняжеским званием и судебную власть над князьями; хан велел им во всём слушаться великого князя Ивана и у него судиться, а в обидах жаловаться на него хану. Период правления князя Дмитрия Ивановича (Донского) – самый драматический для средневековой Руси. В Орде в это время начинается «великая замятня» (за двадцать лет с 1359 по 1379 год сменилось 25 правителей). На Западе – экспансия Литвы и Польши на Русь. Под натиском турецких завоевателей тает Византия. Возобновляется борьба Москвы с Тверью. Дмитрия возводят на великокняжеский стол в 9 лет.

Выдающуюся роль в политике и дипломатии того времени сыграл русский митрополит Алексей (Алексей). Его отец служил в боярах у черниговских князей, затем поступил на службу ко двору московского князя Даниила (сына Александра Невского, родоначальника династии московских Даниловичей). По преданию, Алферий (мирское имя Алексея) был крестником Ивана Даниловича (Калиты) и жил при его дворе до 20 лет, затем принял постриг, обосновавшись в Богоявленском монастыре. Митрополит Феогност удостоил его своим расположением и назначил наместником во Владимире. В 1353 году умерли и митрополит Феогност, и князь Симеон Гордый. Алексей, которого прочили в преемники Феогноста, выехал в Орду, а оттуда в Византию, заручившись проезжей грамотой от Тайдулы (жены хана Узбека), кото-

рая защищала его от посягательств, «*коли к Царьграду пойдёт*». Кстати, в августе 1357 года по приглашению Тайдулы святитель Алексей снова ездил в Орду, где исцелил ханшу от глазной болезни. Сохранился ярлык, данный Тайдулой, согласно которому Русская церковь, «*молящаяся за ханов*», освобождается от всех даней, поборов и насилий со стороны светских властей. Греческий патриарх Филофей, согласившись поставить на Киевскую митрополию русского человека (Алексея), постарался упрочить зависимость всея Руси от византийской церкви. Его «настольная грамота» предписывала Алексею приезжать в Константинополь каждые два года или присылать за инструкциями своих иерархов.

В начале 1359 года (во время смоленско-московско-литовских военных действий) Алексей направился «на кафедру» в Киев, но был захвачен Ольгердом, ограблен и заточён. Два года просидел в плену, затем бежал и вернулся в Москву. Благодаря его дипломатии Москва избежала опасной войны «на три фронта»: с Ордой, Литвой и Тверью. Огромные суммы, выплаченные Орде (Мамаю) в 1371 году, позволили вернуть ярлык на великое княжение Дмитрию, когда на него зарился Михаил Тверской. Алексей стремился не допускать перевеса литовских сил в Твери и Нижнем Новгороде, выступая в качестве верховного арбитра во внутривластных распрях. При верности интересам Москвы его политика в этих вопросах была взвешенной и не носила характера грубой и неприкрытой поддержки своих против чуж-

жих. Но в решающие моменты он умел быть жёстким. Когда смоленский князь Святослав и ряд других нарушили крестное целование, данное Дмитрию о союзе против Ольгерда, и перешли на сторону Литвы, Алексей отлучил их от Церкви; отлучён был и князь Михаил Тверской. Эти действия получили поддержку константинопольского патриарха Филофея. Однако триумф Алексея продолжался недолго. Лицемерное обвинение святителя в том, что он не занимается делами западной части митрополии, выдвинутое князем Ольгердом (из-за которого Алексей просидел два года в плену!), на основании чего выдвигалось требование создать отдельную митрополию (мечта Ольгерда!), имело реакцию. Патриарх Филофей призвал Алексея в Константинополь по поводу разбирательства, касающегося вопроса о западнорусской пастве, «оставленной без пастырского поучения и надзора», и направил своего полномочного представителя болгарского иеромонаха Киприана на Русь. Ему предстояло сыграть особую роль в истории русской церкви.

Лояльно относясь к ханам Орды, Алексей проводил политику, направленную на создание союза русских княжеств, которые могут противостоять Орде. Впервые такой союз, включавший в себя Москву, великие княжества Нижегородское, Ярославское, Ростовское, Рязанское и Новгородскую землю, был создан при энергичном содействии Алексея и Киприана в 1374 году. Но вместо того, чтобы обрушиться на Орду, он обрушился на Тверь! Этот «героический поход», с

одной стороны, привёл к признанию главенства князя Дмитрия, а с другой стороны, разрушил здание, возводимое упорным трудом греческой дипломатии. В этой войне и патриарх, и его «посол» Киприан решительно встали на сторону Твери (и Литвы), а не Москвы! Патриарший посол склонен был винить в своей неудаче митрополита Алексея – вместо того, чтобы использовать свой авторитет и замирить Тверь, Алексей благословил Дмитрия на её разгром.

2 декабря 1375 года Киприан был провозглашён митрополитом Киевским и Литовским. Но чтобы «это древнее устройство сохранилось и на будущие времена», как объяснял патриарх, было определено, что после кончины Алексея Киприан возглавит всю русскую церковь в статусе митрополита Киевского и всея Руси. После смерти Дмитрия Ивановича так и произойдёт!

В конце жизни Алексей окажется перед проблемой назначения своего преемника. По легенде он якобы возложил на Сергия Радонежского золотой крест, «якоже некое обручение», но тот отказался от предложения святителя «из смирения». Вероятно, он не считал себя вправе оспаривать решение Вселенского Патриарха и относился к Киприану как к человеку, вполне достойному возглавить Русскую Церковь. К тому же их связывали хорошие личные отношения. Сергей не поддержал кандидатуру Митяя, выдвинутого лично князем Дмитрием, что осложнит и омрачит их отношения.

Позднее российские историки отдадут должное «факти-

ческому руководству» святителя Алексея внешней политикой Великого Московского княжества при Дмитрии Ивановиче (Донском). А Л. Гумилёв даже придёт к заключению, что «митрополит Алексей при помощи игумена Сергия Радонежского воздвигнет на Руси здание православной теократии». Но это, конечно, преувеличение. Ещё долго на Руси будет доминировать боярская форма правления. Кстати, именно из-за боярского бунта (из-за бегства «обиженного» боярина Вельяминова в Тверь, а затем в Орду) в Москве произошёл такой странный «реверс» атаки с Орды на Тверь.

Затем случится великая Куликовская битва (1380 г.). И хотя уже через год хан Тохтамыш сжёг Москву, а князь Дмитрий отправился к нему за ярлыком, согласившись уплатить дань «на прежних условиях» даже за минувшие времена, и оставил «в залог» сына Василия (будущего Великого князя Василия I), знак Победы остался в народной памяти на века. Современный обыватель вряд ли назовёт имена Алексея, Киприана и Тохтамыша. Он знает героическую личность Дмитрия Донского, поединок богатырей Пересвета и Челубея и, может быть, Сергия Радонежского, «заретушированного» в советские времена.

Пройдёт пять веков, и Александр Блок напишет в своём стихотворении «На поле Куликовом»:

«О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Наш путь – стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь».

Русская православная Церковь до сих пор чтит имена благоверного Великого князя Московского Дмитрия Донского, святителя Алексея Московского (митрополита Киевского и Владимирского) и преподобного Сергия Радонежского.

Прообразом русской идеи, как зачатка великорусской культуры и самосознания, может служить подвижническая деятельность Сергия Радонежского, причисленного к лику святых в XV веке. Основанный им Троицкий монастырь был камнем в фундаменте духовного здания, которое в грядущие века получит название «Святая Русь». Отсюда исходило благословение Великому князю Дмитрию Ивановичу перед страшным Куликовским сражением. Здесь создавалось «Сказание о Мамаевом побоище» и на многие века сохранялись памятники отечественной письменности. Здесь творил гениальный Андрей Рублёв.

Первичным источником сведений о преподобном Сергии является «Житие», написанное его любимым учеником Епифанием Премудрым. Несмотря на склонность Епифания к «плетению словес», его сочинение относится к числу наиболее ярких и достоверных древнерусских биографий. Сербский монах Пахомий, прибывший на Русь с Афона, переработал сочинение Епифания, следуя византийским образцам, сократив подробности мирского характера и дополнив

его описаниями чудес у гроба святого. Собственно говоря, и напутствия Сергия, и «Сказание о Мамаевом побоище», и «Житие», и иконы Андрея Рублёва – это и есть молодые росточки русского самосознания.

Предки Сергия жили в Ростовской земле. Его отец (Кирилл) происходил из местной знати (*«един от нарочитых бояр»*) и имел трёх сыновей: старший – Степан, средний – Варфоломей (в монашестве – Сергей) и младший – Пётр. Относительно даты рождения Варфоломея автор пишет так: *«Хочу также сказать о времени и годе, когда преподобный родился: в годы правления благочестивого, славного и державного царя Андроника, самодержца греческого, который царствовал в Царьграде, при архиепископе Константинополья Каллисте, патриархе вселенском; родился он в земле Русской, в годы княжесения великого князя Тверского Дмитрия Михайловича, при архиепископе Петре, митрополите всея Руси, когда приходило войско Ахмыла».*

Анализ этих словес позволяет определить дату рождения в пределах: 1-31 мая 1314.-1322 г.

В возрасте семи лет Варфоломей начал обучаться грамоте, но, в отличие от своих братьев, учился как-то «медленно и непрележно». Зато имел склонность ко всякому рукоделию. Феномен его «озарения» Епифаний описывает так: *«... он увидел некого черноризца, старца святого, удивительного и неизвестного, саном пресвитера, благообразного и подобного ангелу, на поле под дубом стоящего и прилежно со сле-*

зами молящегося...». Варфоломей пожаловался ему о своих проблемах в учении и попросил его помолиться Богу. После усердной молитвы старец подал мальчику кусок святой просфоры, который Варфоломей съел, получив от старца предсказание, что с этого дня он будет знать грамоту лучше своих братьев, которое вскоре и подтвердилось. Этот сюжет лёг в основу знаменитой картины Нестерова «Видение отроку Варфоломею».

Автор «Жития» повествует, что некогда имение Кирилла *«кипело богатством»*, но затем *«обнища и оскуде»*. Его разорили *«хоженья»* в Орду в свите Ростовского князя, наезды ханских послов за данью и набеги татар. Эти беды усугублялись русскими междоусобицами. Историческая необходимость объединения была сопряжена с насилием и крушением привычного уклада жизни. Оспаривая власть, князья призывали на помощь татар. Так с помощью Орды Иван Калита разгромил Тверь и получил от хана ярлык на Великое княжество Владимирское, а вместе с ним и Сретенскую половину Ростовского княжества. Люди, бежавшие из Ростова, до конца своих дней не могли забыть о насилиях со стороны московских воевод: *«Увы, увы, тогда граду Ростову, паче же и князьям их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и славы, и вся прочая потягну к Москве»*. Описывая бедствия семьи Кирилла, автор «Жития» указывает на тяжесть татарского «выхода» (дани) и голод: *«Того же лета (1332) бысть меженина велика в земле Русской, дороговь,*

глад хлебный и скудость всякого жита». Многие ростовские бояре (кто по желание, кто по нужде) отправлялись в московские пределы на службу к Ивану Калите. Боярин Кирилл с семьёй уехал в Радонеж. Незадолго до смерти Кирилл и его жена постриглись в Покровском монастыре недалеко от Радонежа, и туда же удалился их первенец Степан, принявший в монашестве имя Стефан. По «Житию», именно Варфоломей увлёк брата идеей пустынножительства (хотя Стефан первым овладел книжной премудростью и первым принял монашество). Они отправились в лес, отыскивали пригорок Маковец подле глубокого оврага. Неподалёку из-под берега маленькой речки пробивался ключ. На этом месте братья построили себе «хизину», расчистили лес, построили келью и срубили церквушку. Затем по их просьбе приехавшие из Москвы попы освятили церковь, получившую наименование Троицы. Следует отметить, что посвящение храма Троице было редким явлением на Руси. Оно восходило к традициям Киево-Печерского монастыря. Брат Стефан недолго прожил «в пустыне» и ушёл в Москву, поселился в Богоявленском монастыре, где познакомился с будущим митрополитом Алексеем и, по легенде, даже стал духовником московского князя Симеона Гордого.

Оставшись в полном одиночестве, Варфоломей призвал игумена Митрофана и принял от него постриг под именем Сергия (в возрасте 20–23 лет). Чтобы усмирить юную плоть, он предавался посту, обрекал себя на жажду, «стояние без

отдыха», «слёзы тёплые», «вздохи сердечные» и т. д. Через некоторое время к нему подселились монах Василий Сухой и монах Якут. Когда в Троице собралось 12 монахов, посёлок был обнесён оградой, и у ворот поставлен привратник (вратарь). Какое-то время братия нанимала попа, игумена Митрофана, а затем направила Сергия на «поставление» в Переяславль. В это время в Москве свирепствовала занесенная из Европы чума, от которой вскоре умер князь Симеон Гордый. Перед смертью он оставил завещание *«перед владыкою володимерским Алексеем (тот сразу отправился в Константинополь за утверждением на митрополию) и владыкою переяславским Офонасеем»* (который будет исполнять обязанности митрополита два года). Именно от Афанасия Сергей принял сан игумена в 1353–1355 г. (ему было тогда около 30 лет).

В отличие от старых монастырей, Троицкий не блистал богатством. Как выразился один крестьянин, забредший в обитель, всё там *«худостно»*, *«нищетно»*, *«сиротинско»*. Тем не менее, ворота Троицкого монастыря всегда были открыты для странников и прохожих. Игумен никому не отказывал ни в подаянии, ни в духовных поучениях. Татарский погром и междоусобицы принесли Руси разорение. Насилие всегда деморализует народ, ведёт его к деградации и упадку. Подвиг Сергия способствовал духовному возрождению Руси. Ей надо было вернуть веру, надежду, любовь и нравственность. Церкви никогда бы не удалось приобрести власть над умами, если бы среди её пастырей не появились подвижники, не

щадившие живота своего во имя общего дела.

Запретив просить подавание, Сергей поставил правилом, чтобы все иноки жили от своего труда, подавая им в этом пример. Его кредо – *«Ничто не особь стяжевати кому, ни своим что звати, но вся обща имети»*. По слова современника, иногда он сам служил братии, как купленный раб: *«и дрова на всех... сечаше, и тѣлкуюше житю, в жрьновах меляша, и хлебы печаше, и вариво варяше... и порты крааше...»*.

«Житие» передаёт дух, царивший в Троицкой обители, в том числе и творимые игуменом чудеса. Вот, к примеру, некоторые из них. Зимой некий богомolec принёс в монастырь больного сына, который уже не подавал признаков жизни. Отец ушёл за гробом, а когда вернулся, застал сына живым. Молящийся подле Сергей объяснил, что отрок окоченел от стужи, а теплом кельи отогрелся. Богомolec решил, что мальчика воскресила молитва, на что старец сказал: *«Прежде бо обещаго воскресения не мощно есть ожити никому же!»*. Один бесноватый вельможа был приведен в Троицу и получил облегчение, благодаря чему провёл там несколько дней «кроткий и разумный». Многие больные и калеки потянулись в Радонеж в уверенности, что богомолье врачует там не только душу, но и тело.

Слухи о подобных чудесах распространялись по всей округе, дошли до Москвы, до митрополита Алексея и даже до Константинополя. Где-то в 1365–1370 годах патриарх Филофей прислал Сергию грамоту и дары: напёрсный крест, в

котором хранились мощи новых мучеников литовских Евдокии, Елферия и Феодосии-девицы. Крест обязывал русского святителя помнить о трагедии православных христиан, избиваемых литовскими огнепоклонниками.

Спустя пять веков историк В. Ключевский отметит, что преподобный Сергей примером собственной жизни «поднял упавший дух родного народа, пробудил в нём доверие к себе»: «Он помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там ещё тлевшие искры того же огня, который горел озаривший их светоч. Русские люди XIV века признавали это действие чудом». А нынешний патриарх Кирилл в интервью (в 2014 году) уточнит: «Главное чудо преподобного Сергия – он сам».

Образ «Святой Руси» вошёл в нашу жизнь картинами Михаила Нестерова: «На Руси» («Душа народа»), «Видение отроку Варфоломею», «Молчание», «Лисичка», «Святая Русь», «Путь к Христу», «Великий постриг», «Сергий Радонежский», «Вечерний звон»... Это было время, когда тысячи людей ради Христа и веры искали тишины и уединения, спокойствия духа, оставляя мирские блага. Русь породила эти монастырские стены в лесной глухомани, эти незримые подвиги монахов-пустынников на берегах неспешных северных рек и вечных озёр, это простое и возвышенное смирение, эту прелесть созерцания, эту «Русскую Фиваиду», построенную учениками и последователями преподобного Сергия Радонежского и так замечательно описанную

А. Д. Муравьевым. Святую Русь по-своему пытались выразить и Илья Глазунов на своих полотнах, и Андрей Тарковский в своём фильме «Андрей Рублёв». Она до сих пор живёт в нашем сердце проникновенными стихами Фёдора Михайловича Тютчева:

«Эти бедные селенья,
Эта скудная природа, —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь небесный
Исходил, благословляя».

2. Идея христианского царства

Как мудро изрекал С. М. Соловьёв, «в истории ничто не оканчивается вдруг, и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается». В XV веке на территории где-то дряхлеющих, а где-то, наоборот, укрепляющихся русских княжеств шёл мучительный процесс вытеснения «старины», росло феодальное землевладение, центростремительные тенденции фокусировались на Москве.

За 36 лет правления князя Василия I в Московской Руси не было существенных потрясений. Князь выкупил в Орде право на Нижний Новгород, присоединил Муром, Вологду, Устюг и земли Коми. Две его попытки отобрать силой у Великого Новгорода Двинскую землю закончились неудачей. Ещё в 1391 году состоялся брак Василия I и дочери литовского князя Витовта Софьи, который благословил митрополит Киприан. Этот союз в какой-то степени блокировал опасность со стороны Орды, но не мог не способствовать попустительству в отношении экспансии ВКЛ. Когда Витовт захватил Смоленск, Василий приехал к тестю отпраздновать это событие. Без возражений он принял и вторжение Витовта в Рязанское княжество. Но когда тот двинул войска на Псков, Василий вторгся на литовские земли и захватил крепость Дмитровец. До прямого столкновения между зятем и тестем не дошло, но войска несколько раз сходились и стоя-

ли друг против друга на реке Плаве, у Вязьмы и на реке Угре, после чего был заключён «вечный мир». Как раз в это время (в 1408 году) орда Эдигея вторглась в русские земли. Татары разорили окрестности, но атаковать Москву не решились. При Василии I наблюдался заметный приток в Московские земли православной литовской аристократии. Сначала пришёл князь Александр Нелюб с литовцами и поляками. Затем на сторону Москвы перешёл князь Свидригайло (родной брат Ягайло) и с ним шесть русских князей с боярами.

Время княжения Василия II отмечилось в истории тремя основными вехами. Во-первых, в Московской Руси разразилась последняя жестокая междоусобица, в результате которой погибли все конкуренты московских князей из династии Даниловичей. Во-вторых, в 1448 году Московская церковь стала автокефальной, освободившись от опеки константинопольских патриархов, утвердив у себя право самим выбирать митрополитов. И, наконец, в-третьих, к середине века из Золотой Орды выделились два царства – Казанское и Крымское, сыгравшие заметную роль в судьбе зарождающейся России. Когда князь Василий I умер, его сыну Василию (в будущем князю Василию II Тёмному) было всего 10 лет. В соответствии с «лествичным» правом и неясным с юридической точки зрения завещанием Дмитрия Донского, главным претендентом на Великое княжение стал брат покойного Юрий Дмитриевич (князь Звенигородский). Но пока был жив могущественный Витовт, он оставался попе-

чителем внука. Когда Витовт умер (в 1430 г.), Василий поехал в Орду, где состоялся суд между ним и Юрием Дмитриевичем. Ловкий боярин Иван Дмитриевич Всеволожский сказал хану: «Князь Юрий ищет Великого княжения по завещанию отца своего (Дмитрия Донского), а князь наш Василий – по твоей милости. Ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему. Шесть лет уже княжит Василий и не свергнут тобою, значит, он княжит по твоей же милости». Эта льстивая речь понравилась хану, и он дал ярлык Василию. Однако уже в 1433 году Юрий начал войну с племянником и захватил Москву. Василий II отъехал в Коломну. И тут произошло нечто удивительное: многие жители покинули Москву, отказавшись служить князю Юрию, и направились в Коломну. Улицы маленького городка были запружены подводами; там появился административно-хозяйственный штат и бояре, сочувствовавшие «своему князю». Юрий вынужден был отказаться от престола. Его «знамя» подхватили его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Военные стычки с казанскими царевичами из-за Нижнего Новгорода привели к тому, что в 1445 году, потерпев поражение в битве под Суздалем, Василий II попал в плен к татарам и был выпущен за обещанный выкуп. Кроме того, татарам были розданы русские земли «для кормления», что вызывало враждебную реакцию со стороны московского люда. Именно этим недовольством воспользовался Дмитрий Шемяка с соратни-

ками. В 1446 году князь Василий II был схвачен заговорщиками в Троице-Сергиевской лавре и ослеплён (за что и получил прозвище Тёмный). От имени Дмитрия Шемяки, Ивана Можайского и Бориса Тверского ему вменялось в вину следующее: «Для чего любишь татар и даёшь им русские города на кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпаешь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего, Василия Косого?». (Перед этим, по приказу Василия II, был ослеплён захваченный им в плен Василий Косой.) Наказанный князь с женой и детьми были сосланы в Углич, а его мать Софья Витовтовна – в Чухлому. И опять произошло нечто удивительное: сторонники Василия составили заговор; многие из них бежали от Шемяки в Литву; епископ Иона чуть ли не каждый день уговаривал Шемяку смягчить наказание: «Сделал ты неправду! Выпусти Василия и детей его, сними грех с души своей! Что тебе может сделать слепец да малые дети?». В конце концов Дмитрий Шемяка поехал в Углич, там каялся перед Василием, умоляя его о прощении. Василий, в свою очередь, каялся, искренне признавая свои неправды: «Заслужил я и смертной казни, – кротко говорил он, – но ты, государь, явил милосердие своё ко мне, не погубил меня с моими грехами и беззакониями, дал мне время покаяться!». Оба обливались слезами умиления. На радостях Шемяка закатил пир и подарил Василию Вологду. Но как только Василий II получил свободу, его приверженцы толпами устремились к нему. Это были бояре,

священники, вооружённые воины. Причём на помощь ему спешили и те, кто бежал в Литву. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря убедил его, что клятва, данная им Шемяке «в неволе и страхе», – незаконна. Тут следует уточнить, что клятву (крестное целование) нарушали все братья неоднократно! Дмитрий Шемяка правил в Москве чуть меньше года. Вскоре отряд Василия II взял Кремль, сторонники Шемяки были схвачены и закованы, а москвичи приведены к присяге князю Василию. Продолжительный «бунт» Дмитрия Шемяки закончилась тем, что в 1450 году его войска потерпели решающее поражение, а сам он был отравлен. Это стало символическим рубежом победы новой династической власти над «старинной». «Слепой победил зрячих!» – так говорили потомки.

По духовной Василия Тёмного, составленной около 1462 года, можно видеть плоды полутора вековых скопидомных усилий московских князей по собиранию чужих земель. Если у князя Даниила владения не достигали и 500 квадратных миль, то у Василия Тёмного они превышали 15000 квадратных миль.

В 1438–1445 годах состоялся вселенский собор католической церкви, в котором приняла участие делегация восточных церквей. Он открылся в Ферраре (1438–1439), был перенесён во Флоренцию (1439–1442) и закончился в Риме (1443–1445). Его задачей было преодоление догматических разногласий и заключение унии между церквями. Усиление

турецкой опасности вынудило византийцев к заключению Флорентийской унии (1439) на условиях признания верховенства папы, принятия догм католического вероучения при сохранении обрядов восточной церкви. От Руси унию защищал митрополит Исидор. Но её отвергло всё низшее духовенство Московской, Литовской и даже Галицкой Руси. Во многом этому способствовала позиция польского короля Казимира IV, который поддерживал римского папу Феликса V, игнорируя заключившего унию папу Евгения IV. По приказу Василия II Исидор был заточён в темницу. Затем бежал в Рим, где удостоился чина кардинала. После изгнания Исидора русская метрополия несколько лет оставалась вакантной. Это было время, когда Василий II сначала находился в плену у татар, а затем в изгнании в Угличе. Но сразу по его возвращению на московский трон, в 1448 году, Церковный собор утвердил митрополитом рязанского епископа Иону. На соборе присутствовали епископы четырёх епархий: Ефрем Ростовский, Варлаам Коломенский, Питирим Пермский и Авраамий Суздальский. Архиепископ Новгородский Евфимий и тверской епископ Илия прислали повольные грамоты. В 1452 году король Казимир IV особой грамотой признал Иону митрополитом Киевским, подтвердив его права на все церковные имения на территории своего государства. Русская Церковь стала автокефальной, то есть независимой от греческой церкви. А 29 мая 1453 года и сам Константинополь пал под ударами турок-османов.

При Иване III практически завершился процесс объединения земель северо-восточной Руси. К Москве были присоединены Новгородская земля, Ярославль, Тверь, Пермь, Вятка, Белозерское княжество, заключён союз с Псковом. Ко второй половине XV века стало ясно, что из всех восточных церквей только русская православная церковь, которая зиждется на возрастающей мощи московского государства, способна противостоять католической экспансии Запада и выдержать прессинг мусульманской Порты. Идея третьего Рима как благословенного и несокрушимого христианского царства достигла своего апогея. Но она нашла выражение не только в теоретических обоснованиях, но и в противостоянии государственной власти с церковью.

После завоевания боярско-вечевой Новгородской республики (в 1471 году) перед князем Иваном III неумолимо встал вопрос о секуляризации церковных земель, поскольку дарить преданным людям уже было нечего, а Новгородское архиепископство было самой крупной епархией на Руси. Сначала московский князь потребовал себе половину всех церковных земель в Новгороде, а когда новгородские бояре принесли ему списки подлежащих отчуждению волостей, *«смилоствился»*, *«у владыки половины волостей не взял, а взял десять волостей»*. Покушение на церковное имущество всегда считалось на Руси святотатством. Проводя конфискацию, Иван III не мог рассчитывать на сочувствие митрополита и высших иерархов церкви. В этих конфликтах среди

сторонников государя выделялись ростовский епископ Вассиан Рыло, чудовский архимандрит Геннадий Гонзов, старцы Кирилло-Белозерского монастыря Паисий Ярославов и Нил Сорский, среди противников – митрополит Геронтий и игумен Иосиф Санин (Волоцкий).

Нил Сорский и Иосиф Волоцкий возглавили два направления церковной мысли, получившие в поздней историографии, соответственно, наименование нестяжателей и иосифлян (от имени Иосиф). Тут надо заметить, что сама номинация нестяжателей – как одной из сторон конфликта – имеет условный характер, потому что принцип нестяжательства исповедовали и те, и другие. Главное различие двух течений заключалось в определении сферы его применения. Идея нестяжательства имела несколько значений: «во-первых, это общехристианская добродетель, основанная на евангельских принципах; во-вторых, это одна из трёх монашеских норм (нестяжание, послушание, целомудрие); в-третьих, критика экономических порядков в монастырях, прежде всего практики владения сёлами; в-четвёртых, требование секуляризации монастырской земельной собственности» (см. Н. В. Синицына. Спорные вопросы истории нестяжательства или о логике исторического доказательства. М., 1990).

Нил Сорский отрицал стяжание не только применительно к каждому монаху, но и к обители в целом. Его идеей было искание безмолвия и тишины, уход из мира к правде внутреннего духовного «делания», что вело к преодолению мир-

ских пристрастий, но также и забвению нужд и потребностей мира. *«Очисти келью твою, – поучал он, – и скудность вещей научит тя воздержанию. Возлюби нищету, и нестяжание, и смирение».* Общение с Богом достигается внутренним озарением, состоянием фаворского света. Для такого общения надо погрузиться в себя, достигнуть внутреннего безмолвия, лишь повторяя: *«Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя».* Вместе с тем, блаженное состояние не должно отнимать у подвижника всё его время, – считал он, – потому что часть его нужно посвящать ближним, *«да имут время и о братии упражняться, и промышляти словом служения».*

Иосиф Волоцкий выступал как поборник другого религиозного взгляда. В монашеской жизни он ясно видел её социальное предназначение. Решительно отвергая стяжание как средство личного обогащения, он отстаивал собственность и богатства монастырской общины, рассматривая их в первую очередь как средства благодетельности. Он надеялся реформировать русское монашество, сохраняя богатые, процветающие монастыри. Новгород неслучайно стал колыбелью иосифлянства. Это течение религиозной мысли возникло как реакция на действия князя Ивана III, грозившие разорить самую богатую и самую древнюю из всех русских епархий.

Сторонники идей Нила Сорского имели важное преимущество перед иосифлянами. В частности, Паисий Ярославский.

вов и его ученики пользовались покровительством монарха. (Кстати, Паисий участвовал в крещении сына Ивана III и Софьи Палеолог – будущего государя Василия III.) Отстаивая принципы нестяжательства, они тем самым оправдывали деяния Великого князя в отношении новгородских монастырей и церкви. Иван III даже готов был передать в руки Паисия кормило управления русской церковью. Но поборники нестяжательства не на словах, а на деле стремились к уединенной жизни и категорически отказывались прикасаться к рычагам власти. Недолгий расцвет нестяжательства в России связан с творчеством Вассиана Патрикеева. Будучи в недавнем прошлом крупным землевладельцем, он стал самым беспощадным критиком положения дел в монастырских сёлах. Владение вотчинами, по его мнению, не только разрушает святость монашеской жизни, но и несёт безмерные страдания монастырским крестьянам: *«Живущаа братиа наша убогиа в сёлах наших, истязанми неправедными обидяще их... милость же нигде к ним показуем; их же егда не возмогут отдать лихвы, от имений их обнажихо без милости, коровку их и лошадку отъемше... и аки противу заповедей господских ополчающеся, обидим и грабим...»*.

В 1472 году овдовевший Иван III женился на греческой царевне Софье из династии византийских императоров Палеологов. Обвенчал их в Москве митрополит Филипп. Римский папа Павел II считал этот брак выгодным, надеясь на то, что жена убедит мужа принять католичество. Сам же

Иван III полагал, что родство с Палеологами облагородит его княжеский титул, упрочит его политическую репутацию и вознесёт до царственной высоты. Однако русские церковники не одобряли этот брак, считая Софью «латинянкой». Вот что говорил позднее опальный боярин Берсень Максиму Греку: *«Как пришли сюда греки, так земля наша и замешалась; а до тех пор земля наша Русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда мать великого князя (имеется в виду Василий III), великая княгиня София, с вашими греками, так земля наша замешалась, и пришли настроения великие, как и у вас в Царьграде при ваших царях»*. Летописцы подтверждают влияние «хитрой женщины», говоря, например, что по внушениям Софьи Иван III окончательно разорвал отношения с Ордой.

В 1480 году произошло событие, которое стало историческим символом «освобождения Московской Руси от татарского ига». Властитель Большой Орды хан Ахмат предпринял решающий поход на Русь, заручившись поддержкой Польши. В это же время войска Ливонского ордена напали на Псков. Ахмат не решился дать русским генерального сражения. Две армии встретились на притоке Оки, реке Угре, и после длительного стояния разошлись. Споры учёных относительно достоверности фактов об этом угорском стоянии не утихают. Наиболее любопытный документ «Послание на Угру» принадлежит перу ростовского архиепископа Вассиана Рыло (духовника Ивана III). Это настоящий па-

мятник русской духовно-патриотической мысли. Стиль обращения даёт представление о том месте, которое занимал в духовной иерархии ценностей того времени Великий Московский князь: *«Благоверному и христолюбивому, благородному и Богом венчанному, Богом утверждённому, в благодетии во всех концах вселенной воссиявшему, самому среди царей пресветлейшему и преславному государю нашему всея Руси Ивану Васильевичу, богомолец твой, господин, архиепископ Вассиан Ростовский шлёт благословение и челом бьёт»*. Во как! Но при чтении этого документа создаётся впечатление, что Иван III не хотел воевать с Ахметом, может быть, желая от него откупиться, заключить мир или укрыться в Москве. По крайней мере, сюжет картины А. Кишенко, где князь театрально разрывает ханскую грамоту и басту перед татарскими послами, выглядит неправдоподобным. Не считая возможным упрекнуть самого князя в нерешительности, Вассиан обрушивается на тех, кто ему «нашёптывает», и призывает князя к борьбе: *«Призвав Бога на помощь, и Пречистую Его Матерь, и святых Его, и святительское благословение, и всенародную молитву, крепко вооружившись силою честного креста, выходи против волка, как называю я ужасного Ахмата, чтобы вырвать из пасти его словесное стадо Христовых овец. А когда ты уйдёшь, государь наш, святители, митрополит и мы вместе с ними, со всем Боголюбовым Собором будем молитву непрестанно творить, по всем святым церквам всегда молебны и святую служ-*

бу совершать по всей нашей отчизне и вашей победе...» – и т. д. Для убедительности Вассиан цитирует «классиков» – от «учителя вселенной» Апостола Павла до Демокрита. Ставит Ивану в пример «прародителей» от Игоря Рюриковича до Владимира Мономаха, Дмитрия Донского и даже библейского Самсона, который убил ослиной челюстью тысячу человек. Заклиная его молитвами русских митрополитов Петра, Алексея, Ионы, преподобных отцов Сергия, Варлаама и Кирилла, он заключает: *«И мирно, и многолетно да будет ваше государство, победно со всеми послушающими вас христоролюбивыми людьми, да пребудет во все дни жизни вашей и во веки веков. Аминь!»*.

Отказ от уплаты дани татарским ханам был ещё одной вехой на долгом пути обретения независимости российского государства. Не добившись успеха в Московии, Девлет-Гирей в 1482 году обрушился на Литву. Вот что гласит летопись: *«Сентября 1, по слову великого князя Московского Ивана Васильевича вся Руси прииде Менгли-Гирей, царь Крымский Перекопский Орда, со всею силою своею на королеву державу и град Киев взя и огнём сожже, а воеводу Киевского пана Ивашка Хотковича изымал, а оного полону безчислено взя; и землю Киевскую учиниша пусту»*. Ослабление Литвы в результате этого разорения Иван III использовал в своих целях. В результате необъявленных русско-литовских войн были захвачены города Вязьма, Козельск, Мценск, Мосальск и др. Часть из них возвращена Литве уже после того,

как Иван III выдал свою дочь Елену за Великого литовского князя Александра, потребовав от него грамоту в такой форме: *«На её (т. е. Елену) не нудить к римскому закону, держит она свой греческий закон»*. И хотя никто её не «нудил», Иван III искал предлога, как бы отщипнуть от Литвы кусочек, уличив зятя в нарушении прав жены. С двумя партиями интриганов, разыгрывающих свою карту относительно претендентов на трон, он разобрался жестоко и просто: наиболее ретивых казнил. Сначала это были сторонники его сына Василия (будущего князя Василия III) от Софьи Палеолог, а в конце жизни – сторонники внука Дмитрия Ивановича (Иван – рано умерший сын от первого брака), коронованного вначале на Великое княжение, а потом закованного в цепи и умершего в заточении (уже при Василии III). Акт о низложении «богоизбранного» государя Дмитрия Ивановича, удостоенного миропомазания, Иван III задумал преподнести как акт спасения истинной веры от ереси. Это политическое мероприятие было замешано с длительными церковными спорами и идеологическим противостоянием нестяжателей и иосифлян.

Церковный Собор 1503 года и судебный процесс 1504 года над «еретиками» проходили, когда Иван III тяжело заболел и «начал изнемогать». Бразды правления фактически перешли к Василию III. Как раз в 1504 году Иосиф Санин (Волоцкий) закончил главное сочинение жизни «Сказание о новоявившейся ереси новгородских еретиков». Книга Иосифа

с подробной росписью распространения иудаизма в России должна была избавить монарха от сомнений и колебаний. Чтобы организовать суд, игумен предложил начать прямо с арестов, *«поймав двух-трёх еретиков, а оне всех скажут»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.